

Стопа Сильфиды, стиль французский

Балет Нанси и Лотарингии на сцене ГАБТа

Культура. - 1998. - 14-20
март. - с. 13

Франция – традиционно страна классического балета, хотя в последнее время среди гастролеров преобладали небольшие труппы современного направления. На этом фоне второй приезд балета Нанси и Лотарингии под руководством знатока и ценителя классики XIX века балетмейстера Пьера Лакота, приглашенных звезд из Парижской Оперы Элизабет Платель и Манюэля Легри – ценный подарок.

Две программы показали наши гости на сцене Большого. В первую вошла знаменитая "Сильфида" Филиппа Тальони, реконструированная Пьером Лакотом еще в начале 70-х годов (шедевр многие помнят по гастролем балета Парижской Оперы двадцатилетней давности, когда центральные партии танцевали Гилен Тесмар и Микаэль Денар). Вторая же состояла из одноактных балетов. Классическую часть вечера составили два произведения Джорджа Баланчина – хорошо знакомый "Блудный сын" (1928) и малоизвестная "Сомнамбула" (1946), а также "Праздничный вечер" (1926) классика французской хореографии Лео Статса, который мы увидели впервые. Современную – "Белые ночи" и "Жертва" Пьера Лакота, "Адажиетто" Оскара Арайса, "Штеттл" ("Предместье") Ричарда Уэрлока.

С приходом Пьера Лакота в 1991 году балет Нанси стал второй по значению классической труппой Франции (после Парижской оперы). Ее состав менее однороден, чем в парижской труппе, где танцуют исключительно выпускники школы при Опере. Танцовщики Лакота прибыли из разных стран (сказанное прежде всего относится к мужскому составу). Премьером труппы в течение пяти лет является выпускник московского училища и экс-солист Большого Андрей Федотов. А его партнерша Марин Кастель окончила школу при Парижской консерватории. Благодаря педантичной работе балетмейстера и репетиторов, не свойственному нам вниманию к мельчайшим штрихам и деталям танца, в "Сильфиде" мы увидели единственный по стилю, чуткою нарочито "старомодный" по манере женский кордебалет. Чудесные шелковые платья сильфид, павлиньи

перья в их крылышках, тяжелые венки, стильные прически. Словно виньетки из старинных книг, группы сильфид обрамляли кружевной танец Элизабет Платель (Сильфида) и Манюэля Легри (Джеймс). Танец этих звезд – лакомый кусочек для гурманов, тонких ценителей французской школы классического танца. Элегантной, аристократичной, изящной. Уделяющей особое внимание технике стоп и пуантов, заноскам, маленьким прыжкам, другой замысловатой "мелочи", которая, к сожалению, лишь изредка встречается в русском балете. Только грамотные стопы французских балерин и премьеров в состоянии, сохраняя при этом красоту и изящество формы, "выпевать" ажурные фиоритуры замысловатых лакотовских па в центральных партиях "Сильфиды". Героиня Элизабет Платель – не воздушная сильфида. Скорее, изысканная дама-парижанка, которой к лицу напоминающий бальное платье белокрылый сильфидный наряд. Именно не свойственной его невесте Эффи рафинированностью она и пленила воображение элегантного Джеймса – Манюэля Легри, который и не пытается играть в крестьянина – подобно немислимо в редакции Тальони-Лакота. Тонко проработаны детали их деликатного дуэта, замечательного трио Сильфиды, Джеймса, Эффи, где важны каждый взгляд, поворот головы, наклон корпуса. Менее органичен для лакотовского стиля второй состав исполнителей – Марин Кастель и Андрей Федотов. Федотов – хороший лирико-драматический танцовщик. Но его манера танца, сценическое поведение ближе к русским, чем к французским исполнительским канонам. Он романтичнее других. Деликатен, осторожен, внимателен к партнерше. Но порой слегка устает от обилия соло и вариации, особенно во втором действии балета. Простушку в белом платье из соседней деревни напомнила Сильфида Марин Кастель. У нее на удивление несобранные стопы. Размыты контуры танца. К сожалению, в труппе Нанси нет настоящей примы. Ее отсутствие сказало на художественном уровне классических спектаклей второй

программы, в которых балеринские партии танцевали солистки – игривая инженер Синтия Лабаронн, лиричная Анн Салмон...

Вечер открывался постановкой Лео Статса. Статс – значительная фигура в истории французского балета XX века. Замечательный танцовщик, партнер Карлотты Замбелли, создатель парадного "Дефиле кордебалета", который до сих пор украшает сцену Оперы. Педагог, в классе которого на улице Солнье занимался весь цвет парижского балета. В 1925 году он сочинил для Ольги Спесивцевой и Гюстава Рико бессюжетный балет "Праздничный вечер" на музыку Лео Делиба, ставший предтечей "Сюиты в белом" Сержа Лифаря, "Хрустального дворца" Джорджа Баланчина. Это образец блестящего французского стиля, подобие нашей "Пахиты", но на парижский лад. Сольные вариации тут чередуются с дуэтами, окаймленными танцами солистов, нарочито рисующимися кордебалетом. Напрасно балетмейстеры последующих поколений бездумно усложнили хореографию этого балета. В нем появились чуждые эпохе эффектные элементы, выпадающие из общего стиля... Но труппа из Нанси достойно станцевала этот балет.

Сложности у наших гостей возникли с репертуаром Баланчина. Библиейская притча о блудном сыне претерпела нежелательную трансформацию. Она превратилась в "частный случай из семейной жизни". Проваленной оказалась самая эффектная партия – партия Сирены. "Вытянуть" этот балет, как и "Сомнамбулу", один Андрей Федотов (Блудный сын и Поэт) не смог. "Сомнамбулу" В.Беллини Баланчин поставил в 1946 году для премьеров труппы Русский балет Монте-Карло Александры Даниловой, Николая Магеллана, Марию Толлчиф. Впоследствии его танцевали Эрик Брун, Михаил Барышников. Романтическими страстями насыщена ее сюжет. На празднике в замке Поэт увлекается женой Барона – Сомнамбулой, за что, по наущению Кокетки, ревнивый муж убивает его. Но для Баланчина танец, наивный и элегантный одновременно, важнее драматургии. Вере-

Сцена из спектакля "Сильфида".
Сильфида – Элизабет Платель, Джеймс – Манюэль Легри

ниче вальсов, галопов исполняют одетые во фраки кавалеры, дамы в вечерних туалетах. Их танцы прерывает дивертисмент (пастораль, негритянский танец, акробатика, арлекин). Затем следует лирический дуэт Поэта и Сомнамбулы, которая со свечой в руках кружит в бесконечных па де бурре, словно тень, носимая ветром. Но балетной молодежи чужды баланчинские тонкости и изыски. Артисты воспроизводят его хореографию приблизительно и чрезмерно формально. Им ближе современная тематика, как незамедлительно сказалось при встрече коллектива с балетом Ричарда Уэрлока "Штеттл". Хореограф, выросший на репертуаре труппы Мари Рамбер, ныне самостоятельно работает в "международном стиле", в котором воедино сплавлены разные танцевальные системы.

Вечером, когда темнеет, в каком-то условном месте под шум прибора собираются молодые лю-

ди, чтобы в танце поведать о своем одиночестве, жажде любви, горестях и надеждах. Кто-то находит себе друга. Кто-то остается один... Ничего не поделаешь – такова жизнь! Автор балета отметил, что не хотел придать героям конкретные социальные или национальные приметы. Название балета "Штеттл" ("Местечко" – на идише), характер музыки, навеянный манерой клезмеров – еврейских музыкантов, невольно подсказывают иное, чем у Уэрлока, пластическое решение...

Мило и внешне эмоционально М.Кастель и М.Гордон станцевали красивейший дуэт хореографа Оскара Арайса "Ададжитто" на музыку Г.Малера. А "Белые ночи" и "Жертва" свидетельствуют, что Лакот-реставратор намного превосходит Лакота – создателя современного репертуара...

Виолетта МАЙНИЦЕ